

Плътва О

Семечки

Плотва О
Семечки

«Автор»

2026

О П.

Семечки / П. О — «Автор», 2026

Дачная история девочки Оли с Неглинной улицы. Автобиографический рассказ. Моя первая проба пера и слога.

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Плотва О Семечки

Глава 1

Семечки

По традиции, сложившейся в городах кажется еще в 19 веке, летом семья выезжала на дачу. Кто мы, чтобы нарушать вековые традиции))

Дача в Пушкино страшно далеко от Неглинки. Разноцветный домишко, обитый досками и дощечками снаружи, походил внутри на музей быта всех времен и народов. Как положено, на стенах комнаты ковры с картинами: Маковского с той самой девочкой, убегающей с братом от грозы, с плюшевыми Оленями неизвестного автора, с ромбами и цветами Троицкой ткацкой фабрики. В кухне милая печурка, вся подштопанная красными кирпичами, заплатками серой глины, пахнущая уютом, kloкочущая пламенем за горячей чугунной дверцей. Пекущая нам самые вкусные на свете пирожки)))

На даче главные – бабушки. Баба Женя и баба Маша, они прикольно зовут друг друга по отчеству: «Никитишна, разве молодежь это понимает? Они в печи то только дрова готовили. Пирог испечь! Да что ты. Ха-ха!». «Андревна, мы вот помню хлебА пекли. На четырнадцать детей! Два дня все девочки были заняты. Мать то в поле да по хозяйству, когда ей с такой семьей! А как пах хлебушек родной домашний на весь дом? Да, не говори, внуки хоть печь увидят не в книжках».

Внуки – это мы с Юлькой. Её, Юльку, принесли как то в октябре в кульке из двух одеял и каких-то белых кружавчиков, перевязанную, как коробку с зефиром, большими розовыми лентами. Из кулька торчали щеки и мелкий нос. Сказали, что купили сестру в магазине. Обычно в магазине покупали кукол, ну хлеб там с молоком, но чтобы девочку? Юляшкины щеки видимо были очень тяжелые, потому что к трем годам она совершенно сломала свой милый маленький носик, бесконечно плюхаясь на него. Вот и сейчас она вся замазана зеленкой и кажется начнет реветь. Старшая сестра должна утешать ребенка, старшей то уже ого-го, целых шесть лет))) На потолке в комнате замысловатая люстра, похожая на большую керосиновую лампу с пятью колпаками. Кажется не высоко. Если взять батистовый платочек, подбросить его и сильно-сильно дуть, - он как перышко взмывает вверх, кружится, раскачивается и вот-вот повиснет на люстре.. Нет, упал. Юлька хохочет. Надо еще раз. Бросить, сильно подуть. Еще раз, подпрыгнуть и снова дуть!! Бабушки слышат из кухни возню и на всякий случай покрикивают по очереди: «Оля, осторожно. Оля, смотри, не упали! Оля, сестру не зашиби, что ты скачешь?». Как можно не понимать, какая я взрослая и ответственная. «Что вы мне все Оля-Оля, что я маленькая что ли?» Бабулечки в косынка, фартуках, все перепачканные мукой, катают из теста миллион мягких шариков и смеются до слез, не могут остановиться. Вот что такого смешного я им сказала? Не серьезные какие-то женщины. Надо закончить с платочком-перышком. Прыгнуть, подбросить, ффффф, ффффф, задувайся на люстру, лети!!! Еще раз. Еще. Надо покружиться, так очень красиво падает, если смотреть, не отрываясь, если еще раз дуть-дуть....

Очнулась от страшного крика – вопила младшая сестра, размазывая слезы по зеленому носу с царапинами. Почему то баба Женя размахивает полотенцем перед самым моим лицом, как вентилятор. Баба Маша тычет в нос вату с чем-то резким пахучим щиплющим глаза. Что это? «Нашатырь. Ты потеряла сознание. Тебе же говорили! Иди, ложись. Вот здесь, на кушетке». Потолок кружится, весь дом кружится, на люстре победоносно болтается платок.

На кушетке много места. Рядом с ногами расстелено полотенце, старое махровое в дырочках по краю, все в тысячах цветных петелек. С плиты доносится знакомый аромат. Семечки!

Пока доходят пироги, куда-то они доходят, жарятся семечки на большущей чугунной сковороде. Их надо все время помешивать, чтобы черные шкурки не пришкварились к горячему дну. Горелые семечки противные, как уголь. Бабушка крутит ложкой, спасает потрескивающие от жара семена, которые пахнут маслом, душистым вкусным солнечным малом))) или подсолнечным. Шуршание и запахи убаюкивают, кухонные феи перешли на шепот, глаза слипаются. Сквозь сон из кухни выплывает волшебная сковорода и горячие семечки падают на полотенце у моих ног, высыпаются ароматным водопадом, накрываются сверху одеялом – феечки на цыпочках выходят обратно в кухню колдовать с тестом.

Я слышу, как в семечном укрытии что-то щелкает. Вот снова. И снова. Переползаю и прикладываю ухо к теплему одеялу. Щелк-щелк-щелк. Приятно, как щекотка, весело, как хор маленьких барабанчиков. Снова глаза закрываются сами. Звуки такие тягучие. Шепот бабушек такой убаюкивающий. Рядом в кроватке сопит сестра. Кажется, запахло пирожками или это сон..

Пирожки с румяными боками лежат уже на столе. Как сто маленьких вулканчиков, они дымятся, заполняя долгожданными ароматами все пространство.. Шаманские ритуалы еще не завершены, поэтому бежать к столу нельзя. Затаилась у двери. Наблюдаю. Надо сначала умыть каждый пирожок. Кусочек марли смачивается в молоке с маслом и «намывает» горячих еще пузатиков, как пупсов в бане)) Пирожки фыркают, плюются паром и вдруг начинают сиять блестящей корочкой, под которой таятся секретные начинки. Бабушка Женя надламывает один и радуется: «С капустой, Никитишна)) Закуска хорошая.» На столе стоит запотевшая бутылка с чем то, водой кажется, и два стакана. Так хочется пить, думаю я и выхожу из своего укрытия. «Ой, внуча – улыбаются мне обе бабушки – Ты как? Давай к столу, пока все тепленько)) Сейчас молока тебе нальем». Молоко нам давала соседская коза! Как она его давала, ну, не очень понятно, но всегда в литровой банке, которую прятали в холодильник. «Не, я водички! Пить хочется. – говорю я и хватаю ближайший стакан. Холодненький. МММ, как сейчас попью и потом пирожок, обязательно с яблоками, а то капуста эта ваша. Делаю большой глоток! Бабушки замерли от неожиданности. Понимаю, что вода не очень, но делаю второй... Что-то непонятное. Дышать трудно! Слезы брызнули. Вдохнуть никак не получается. Ойййй, что это, что это так горит во рту!? «Господи, это ж не вода вовсе! Оля! Запей молоком.» Какой то странный день, снова начинает все кружиться. Наверное, у меня сотрясение мозга? Бабушка обнимает меня. Её шершавые руки пахнут сливочным маслом. Она ласково гладит меня по голове и постукивает по плечу, слегка раскачиваясь, прижимает к себе: «Вот же ты торопыга. Посиди рядышком.» Пирожок с яблоками материализуется откуда-то из-за стола, с той стороны в руках бабы Жени: «Ох, влетит нам от матери твоей. А я вот первый раз водку выпила, когда мужу повестка пришла. Представляешь, прямо на второй день войны его призвали, родимого. Дочек две мелких у нас, война, как жить не понятно, а мужика забирают. В голос рыдала! В крик, в ноги ему. Не пушу, говорю. Не пушу. Как-то быстро все случилось».

Дед Сережа был очень добрый. Дочечек баловал. Душа-в душу жили они. 23 июня 1941 года он ушел в Ухтомский военкомат и в тот же день военный эшелон увез его навсегда. Бабуля пока работала, пока собрала ему вещи теплые да поесть, пока дошла до места сбора в военкомат. А ей говорят: «Что же ты проворонила, их уже погрузили в эшелон. Скоро отправят. Беги на станцию, может хоть обнимешь». Она так и хотела. Обнять родного! Бежала, так бежала! На перроне бабы ревут и уже машут поезду, который вот только начал движение. Тук-тук-тук – понять бы что так грохочет? Колеса поезда или сердце стучит и рвется от боли. Догнала таки вагон, увозящий ее Сережку! Но не знает даже, что он кричал ей, когда махал рукой. Наверное, что скоро вернется.. А мешок то с вещами и едой! Как же, не успела. Она плакала и обнималась с вещь-мешком. В ноябре пришло Извещение, что пропал Ваш муж Ивлинов Сергей Ильич без вести. Ему было 27 лет (((Искали потом после войны. Смоленский котел, говорят, не найти. Баба Женя красивая была, хрупкая блондинка, глаза голубые. Всю войну подрабатывала, чтоб

с голоду не опухнуть и дочерей «вытянуть». После смены на заводе ехала на Казанский вокзал работать грузчиком. Когда прибывал поезд на станцию, а люди с большими мешками и чемоданами не могли справиться со своей поклажей, молодая женщина ростом метр пятьдесят грузила на спину чужие пожитки и тащила к метро или другому вокзалу. Какая-никакая, а копеечка всегда была! Всю оставшуюся жизнь потом она бинтовала на ногах вены, которые превратились в толстых синих змей от непосильной тяжести.

«А один мужик был, до сих пор помню его рожу. Чемоданище у него, как сундук здоровенный. Еле доволокла. А он, гад, не заплатил! Представляешь!?» - бабуля наливает в свой стакан то самое, которое обожгло меня. Слезы капаят ей на руки, на стол. Она вытирает мокрое лицо фартуком. «Ну, за родненьких наших." Выдыхает. Залпом выпивает и ударяет пустым стаканом о стол. Баба Маша ревет. Я реву. «Такая наша бабская доля, - говорят старшие женщины - Такая доля.»

Утром весь дом просыпается от громкого шепота – мама приехала! Распаковываются цветастые сумки со вкусностями. Батон докторской колбасы пахнет будущими бутербродами. Но нельзя в сухоматку! Только с чаем. Жду свой обязательный чай. Сначала на смешной двухкомфорочной плите греется чайник с подбитым зеленым пузиком, весь в ранах отколотой эмали. Бедненький. Хочется намазать его зеленкой и приклеить пластырь на места ранений. Так и сделаю, когда все закончат суетиться. Что то фыркает, пламя гаснет.. Чая не будет, потому что закончился газ. В углу за столами прячется тяжеленный красный баллон с газом, точнее уже без газа. Женсовет решает звать мужика)) Смешные, где его брать то, папа если не приехал. На улице что ли чужого дяденьку?

Колбаса пахнет еще сильнее, порезанная на тонюсенькие кружочки. Ну, никто же их не считал. Дотянуться незаметно до тарелки, быстро затолкать кусочек в рот! Прожевать-то как теперь, секрет раскроется? Не до нас с колбасой всем – двигают столы, добывают баллон, кричат и толкаются. Амम्म, и нет колбаски. Какая же она... была.. вкуснющая

Вдруг в дверь вваливается страшилище! Совершенно незнакомый мужчина такой некрасивый, что хочется спрятаться под стол. Сползаю со стула, в руке вилка... А мужик то в очках, с громадным носом и усищами, как у Бармалея, идет прямо на меня и говорит: «Где тут у вас газ надо заменить», и наклонятся. Колбаса, похоже, пошла не в то горло с перепугу. Кашель душит, дядька подходит вплотную уже. Вдруг на трениках незваного гостя вижу дырку. Вот точно такую же, как у папы. И пахнет от него как от папы. И очки какие-то пластмассовые, не настоящие. И нос фальшивый. Папа! Папа! Теперь то все будет хорошо!

Хорошо все, кроме чая... Почему то мама решила, что я обязательно должна быть умной, а для этого надо пить сладкий чай. Нет, ооочень сладкий чай! В мою кружку бухают две толстые ложки сахара с вечным приговором: «Чтобы мозги работали». Так ненавижу это приторное питье. Дома на кухне проще - вылить в раковину незаметно и все, молодец! Как быть сейчас, когда вся семья за столом. Юльке то вон в бутылочку жидкую кашу наливают, о ее мозгах никто не заботится. Она довольно причмокивает. Кажется, я нашла решение! Соль! Если положить в чашку соль, то будет не так сладко! Демонстративно двигаю солонку, плюхаю две ложки соли в чай, размешиваю. За столом немая сцена. «Зачем смотреть так на человека во время еды?» - спрашиваю я и делаю глоток... Видимо в этот момент во мне умер великий химик, ибо процесс нейтрализации вкусов не удался – сладко-соленый чай оказался отравой. Бабушка Женя так и сказала: «Поливать этой отравой медведок надо, чтобы сдохли». Зато мозги у них работать будут, думаю я.

Медведка – страшный дачный зверь, про которого все говорят, но никто не видел. Корни у клубники пожрала медведка. Картошку повредила медведка. Папа говорит, что это самое живучее животное: умеет рыть ходы под землей, летать и плавать, и если бы она была раз в 10 больше, то завоевала бы всю планету, как динозавры. Про динозавров мы читали с бабушкой «Затерянный мир», то есть она читала, а я слушала! Уверена, что это главная книжка в

моей жизни. Когда девочки потом в школе хотели стать принцессами, мне ужас как хотелось с рюкзаком и в пробковом шлеме отправиться на корабле или воздушном шаре в дремучие джунгли и ... Что конкретно «И» не уточнялось в моем воображении. Разбивать лагерь, наверное, готовить на костре, собирать дикие плоды и дружить с аборигенами. Еще находить мумий, кажется, но это из другой истории.

В целях подготовки к будущим экспедициям надо уметь делать все, например полоть грядки и огурцы собирать. Ух и колючие они, как панцири доисторических животных. Взрослые не могут так наклоняться, чтобы под всеми листочками найти самые секретные залежи огурчиков, а я могу. Все просто – поднимаешь лохматые лопушистые листья, заглядываешь под заросли огуречных лиан, а там! Малюсенькие еще детки с цветочками, большущие как жабы огурцы-переростки и самые вкусные, но самые опасные все в колючих пупырышках огурцы для засолки. Срываешь, кладешь в миску. Срываешь – и в рот, хрусть-хрусть. Снова забираешься под листья, вот там надо дотянуться, очень зеленый лежит прямо на земле. Хватаю огурец, открываю ладонь, а это САРАНЧА! Сидит у меня в руке и смотрит прямо в глаза. Гигантский кузнечик со шпорами на задних лапах, зеленой саблей и челюстями-хваталками. Если не отрубит палец, то откусит точно. А если этот зеленый зверь будет в 10 раз больше, как неведомая медведка!?!))

Спасаясь бегством. Собранные огурцы разлетаются по всему огороду вместе с пронзительным криком. Прячусь в папу. Он защитит. Мы вместе целый летний день – такая редкость.

Папа у меня особенный – он умеет играть на аккордеоне. Красивый. И аккордеон и папа тоже. Он играет и поет, иногда даже пляшет и вообще «парень хот куда», поэтому его часто приглашают играть на разных свадьбах и юбилеях. Все мое мелкое детство прошло под разудалые застольные песни и под праздничными столами, в буквальном смысле. Скучно смотреть на салаты с нарезками. А когда начинают тосты говорить или еще требовать, чтобы Оля им тоже что-то спела, выход один – бегство. Нырять под скатерть, и в домике. Среди нарядных туфелек, домашних тапочек, брошенных салфеток и прочих подстольных декораций) Там к этому моменту уже, как правило, кошки, собаки и другая детвора, уставшая от взрослых праздников. Главное – найди безопасный лаз и дорогу на кухню, где обязательно хозяйшкы предложат торт! Обязательно! Вот попробуйте хоть разочек.

Но вернемся на дачу.

Бабуля сплела самый красивый на свете венок! Только она умеет плести так: ромашки, васильки складывает плотным кругом, на них наплетают еще всякие травки с голубыми цветочками и белыми и розовые полевые гвоздики. Водружает мне эту корону, из-под которой видны только глаза и кудряшки. Сидим на скамейке и лопаем вчерашние семечки из газетного кулечка. Вечер теплый. Солнышко скоро спрячется. Тихо-тихо. Откуда-то доносится музыка. Все ближе, ближе. По дороге маршируют солдатики в каких-то своих вечерних построениях, и поют хором про девчонку и дожди. Вдруг команда: «Смийрно! Равнение направо! Шагом арш!» Ряд за рядом, чеканя шаг, проходит мимо нас с бабулей. Парни в военной форме отдают нам честь. Улыбаются, подмигивают) Я с кулечком и в венке в лучах золотого вечернего солнца встаю и тоже прикладываю руку в голову! Смущаюсь, прячусь за бабушку.

Следующее утро было прекрасным и ужасным одновременно. Только в детстве бывает такое утро. Оно пробивается через щели в занавесках солнечными лучами, начинает щекотать нос, пятки, колышет тени на стене и прямо-таки заманивает: «Побежали за мной!!! Там новый день. Скорее, надо успеть!» Скрипучий дачный пол из крашеных досок тоже будто подталкивает сквозняком туда, где солнышко проснулось, умылось, греет – на крылечко нашего почти игрушечного домика. Папа курит, сидя на ступеньках. Двигается, увидев меня. «Садись, только не пугайся ладно? Я ее все-таки поймал. И сделал гербарий. Но она еще живая. Не смотри сразу.»

Я смотрю во все глаза! По стене дома ползает что-то, ковыряя лапками старую доску. Кружится на одном месте и не может уползти, потому что в самом центре черного динозаврового тела торчит громадный гвоздь. Медведка! Вы вообще видели ее? Она похожа сразу на черную саранчу, таракана, жука и рака. Фууууу, такая ужасная. Наконец изловлен наш огородный враг. Но жалко ее как! Прибита живьем, пытается уползти или улететь и, кажется, вырвет сейчас гвоздь. Такая мощная. Такая, такая несчастная. Потом был жаркий день и ночь и снова день. Мы ходили смотреть на гербарий-ужастик с невероятной внешностью всех адских чудищ, а она все вращалась на гвозде, как страшная юла.

Последнее лето детства. В августе мне исполнилось семь. Мы вернулись в Москву только собрать вещи. Нам дали квартиру трехкомнатную с телефоном в каком-то Новогиреево. Кровати, стулья, одежду сложили в грузовик с открытым кузовом. Машина поехала, а бабушка стояла возле подъезда. Плакала. Она осталась на Неглинке.

#семечки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.